

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

Издание подготовлено при поддержке Союза краеведов Ульяновской области и Центра истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области»

Серия:

Краеведение Симбирского-Ульяновского Поволжья

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

Книга «Синбирские сказания» содержит художественные поэтические и прозаические сказы из истории Синбирского края русского поэта и прозаика Николая Полотнянко, автора четырёх исторических романов синбирского цикла, изданных крупнейшим издательством России «ЭКСМО» в 2007-2010 гг.

«Синбирские сказания» созданы им, чтобы привлечь читателей к познанию истории родной земли, на которой в первые полтора столетия после начала заселения её русскими людьми происходили события, оказавшие существенное влияние на весь ход российской истории. Это — и культурное освоение Дикого поля, совместно с народами Среднего Поволжья, и церковный раскол, и крестьянские восстания С.Т. Разина и Е.И. Пугачёва, и деятельность первых русских промышленников, и расцвет помещичьей усадебной культуры, давшей России классиков русской литературы Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева и И.А. Гончарова.

Все сказы относятся к историческому периоду, когда город Ульяновск назывался Синбирском (1648-1780).

* * *

Пусть прошлое туманно и неблизко,
Печаль о нём торжественно светла.
На площадях и улицах Синбирска,
Прислушайся, — звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовется год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжёт.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Синбирск. Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Синбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

ОГЛАВЛЕНИЕ

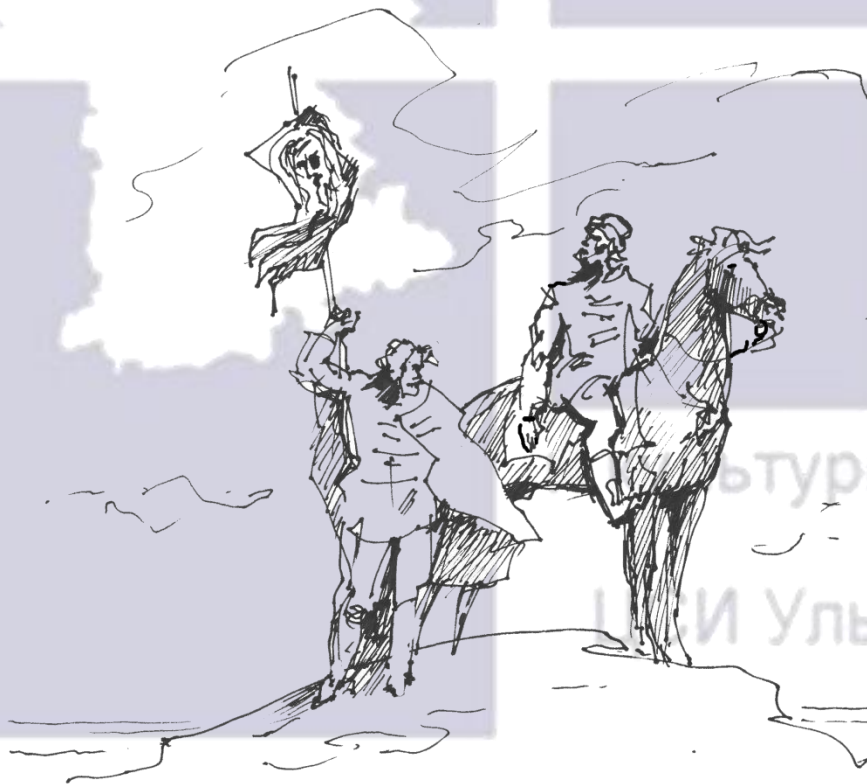
Художественно-историческая поэзия и проза о Синбирском-Ульяновском крае	5
Сказ про давние давности Синбирского края	8
Сказ про встречу Богдана Хитрово с царем Алексеем Михайловичем перед началом строительства Синбирска	21
Сказ про приход Богдана Хитрово с ратными и работными людьми на Синбирскую гору	29
Сказ про ногайский набег	36
Сказ про то, как синбирские казаки воевали со Степью	40
Сказ про чуму 1654 года в Синбирске	46
Сказ про охоту на лося гоном по льдистому насту	48
Сказ про атамана Лома и его воровскую ватажку	57
Сказ про то, как окольный Богдан Хитрово ударил палкой назойливого дворянина и как сей меткий удар отразился на судьбе патриарха Никона	75
Сказ про Богдана Хитрово	79
Сказ про замученного в Пустозерске синбирского протопопа Никифора	90
Сказ про то, как раскольниковый старец Кирилл пытался учинить самосожжение староверов	97
Сказ про клады синбирские	110
Сказ про купца Гостиной сотни Надею Светешникова	112
Сказ про то, как Богдан Хитрово привёз сыну Надеи Светешникова милостивое слово царя Алексея Михайловича	125
Сказ про Пещаное море и остров Счастья	136
Сказ про колдовскую силу Степана Разина и его решение идти на Москву	146
Сказ про разгром разинского войска под Синбирском	158
Сказ про осаду Синбирска Степаном Разиным	183
Сказ про то, как царь Пётр Алексеевич в Синбирске чап гонял	188
Сказ про Петра Великого	196
Сказ про синбирских невест	198
Сказ про сожжение еретика Якова Ярова	206
Сказ про Никольское-на-Черемшане	212

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

Сказ про то, как Пугачёв первый раз побывал в Синбирске ...	214
Сказ про то, как синбирское воинство переметнулось к державному самозванцу Пугачёву	226
Сказ про то, как Пугачёв второй раз побывал в Синбирске	234
Сказ про дворянина Кроткова, ставшего по милости императрицы Екатерины Великой обладателем пугачёвской казны	244
Сказ про Емельянову птаху	251
Сказ про казнь Емельяна Пугачёва и скоробогатство синбирского дворянина	253
Сказ про детство и возмужание поэта Ивана Дмитриева	259
Сказ про историка Карамзина и его «Историю государства Российского»	279

Художественно-историческая поэзия и проза о Симбирском – Ульяновском крае

Ещё несколько лет назад в Ульяновске полностью отсутствовала историческая художественная проза, и надежд на её появление было очень мало, поскольку не было писателя, чей талант был бы нацелен в прошлое нашего края. И все свыклись с тем, что современный Ульяновск — это глухая периферия не только в исторической, но и в русской литературе вообще, если не брать во внимание творчество известных классиков XIX века.

И вот в первом десятилетии нашего века произошло, к сожалению, ещё мало кем по достоинству оцененное событие. Писатель Н.А. Полотнянко, живущий здесь, в этом городе, среди нас, неожиданно для всех «выстрелил» целой серией исторических романов: «Государев наместник» («Богдан Хитрово») (2007), «Бунташное войско Стеньки Разина» (2008), «Клад Емельяна Пугачёва» (2009), «Жертва сладости немецкой», «Минувшего лепет и шелест» (2010); две пьесы: «Симбирский греховодник» (2010) и «Клад Емельяна Пугачёва» (2012). Кроме этого, им написана поэтическая книга «Симбирский Временник».

Все вместе они составляют впечатляющую картину наиболее ярких страниц жизни нашего края в XVII и первой половине XIX веков, где речь идёт о Б. Хитрово, С. Разине и Е. Пугачёве, симбирском дворянстве в контексте событий большой российской истории.

Обращает на себя внимание верность автора историческому времени и тематике. Исключая лёгкую, остроумную комедию «Симбирский греховодник», внимание Н.А. Полотнянко обращено к судьбоносным периодам российской истории, когда власть стоит лицом к лицу с народом и вынуждена держать перед ним ответ за все совершённые ею неправды. Такое бывало раньше в российской истории, и пребудет всегда.

Конечно, и раньше писали и о бунташном XVII веке, и непосредственно о С. Разине, но об осаде Симбирска в художественной литературе рассказано впервые с завидным

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

мастерством художника слова. И в этом смысле автор возвращает читателей в языковую стихию русской классики. Для Н. Полотнянко всё написанное им органично, и в лучшем смысле традиционно, потому что опирается на основополагающие смыслы русского бытия. Поэтому его поэзия и проза близка всем, кто ещё не отпал от своего народа и стремится к познанию Отечества.

Художественной особенностью романов и пьес Н.А. Полотнянко является то, что трагедийный исторический материал подан без пафоса, без лобовой дидактики, а сдержанно, порою иронично или даже просто с юмором. И это нормально, так как история даже самых великих эпох складывается из судеб обычных людей. Наверху действуют «наполеоны», а внизу простые смертные, которые не произносят ярких речей и не делают героических жестов. Поэтому на страницах произведений Н.А. Полотнянко его герои живут, а не «красиво» творят историю.

Галерея исторических персонажей в произведениях нашего автора разнообразна. Здесь и царь Алексей Михайлович, и императрица Екатерина II, и вожди народных восстаний, и служилые люди, и казаки, и крепостные, и колдуны, и симбирский губернатор, и И.А. Гончаров... И каждый герой — индивидуальность, их не спутаешь друг с другом, различаются они не только именами, но и характерами, каждый ведёт своё соло в партитуре романа или даже стихотворения.

Как профессиональный историк я знаю, что создавать историческую художественную литературу очень сложно. Мало того, что автор должен держать сюжет, наполнять героев жизнью, так ещё нужно знать историю, причём не историю вообще, а данную конкретную во всех её деталях (события, лица, даты, политическая ситуация, географические названия). Надо знать помимо истории подвижную историю другого, менее подвижного пласта бытия человеческого общества (быт, мировоззрение, хозяйство), причём во всех деталях. Стоит один раз сбиться, и неслучайный читатель крикнет: «Не верю!», и произведение перейдёт из разряда исторической литературы в перечень околонисторической писанины. Следует отдать

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

должное Н.А. Полотнянко — он сумел этого избежать. От эпохи до мелочи — всё верно, всё убеждает, всё опирается на источники.

И, наконец, очень важно отметить, что Н.А. Полотнянко, помимо чисто исторических романов, фактически создал современную литературную летопись Ульяновска начала XXI века: романы «Загон для отверженных», «Счастлив посмертно» («Огненный Спас»), «Бесстыжий остров», в которых наш край наконец-то нашёл своё истинное художественное отражение.

За почти полвека творческой деятельности Николаем Полотнянко создана уникальная литературно-художественная летопись Симбирского — Ульяновского края в контексте русской действительности и в форме исторических и современных романов, повестей, поэм, стихотворений, комедий и рассказов. Его книги востребованы уже сегодня, и тем более будет востребованы в будущем как опора для эстетического и нравственного самоопределения человека в эпоху политических, социально-экономических потрясений и аморальных безумств.

Предлагаемая читателям книга «Симбирские сказания» представляет собой антологию талантливых сказов о самых значительных эпизодах из жизни земли Симбирской за первые полтора века после заселения её русскими людьми. Эту эпоху с полным основанием можно считать героической, поскольку русскими людьми и жившими вместе с ними народами Среднего Поволжья были освоены и вызваны к жизни пустынные пространства Дикого поля. И все они в своё время были участниками бунташных событий XVII-XVIII веков, так называемых Разинщины и Пугачёвщины, которые освещены автором предлагаемой читателям книги в сказаниях, имеющих под собой документальную основу.

*Кузнецов Валерий Николаевич,
доктор исторических наук,
член Союза писателей России*

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

И завтра огласится диким гулом
Окрестность от нахлынувшей орды.
Он приказал удвоить караулы
И за острогом выставить посты.

Стрельцам — готовить сабли и пищали.
Вокруг — сторожевые жечь костры.
Послал гонца в Корсун, чтоб не зевали,
Отставили похмелья и шпыры.

Строптивцам посулил свою немилость,
Чтоб в строй встал каждый ратный человек.
И весь рубеж, засекой ометнясь,
Был наготове отразить набег.

В Москву б сейчас... Но далеко столица.
На помощь от неё надежды нет.
На нём сейчас поволжская граница,
И он один за всё несёт ответ.

Позор и слава — всё в руке у Бога,
Но воевода не порушит честь.
Гонец стучит копьём в врата острога,
И он готов услышать злую весть.

39

Оказ про то, как синбирские казаки воевали со Степью

Казачья станица, широким загонем раскинувшись по степи
густо ковытла поросшую жёсткой травой твёрдую землю. На
берегу Майны казаки застали дымящиеся головёшки господской
усадьбы, крестьянских избёнок, несколько изрубленных тел,
облепленных зелёными жирными мухами.

Из живых нашёлся один мальчонка, который забился в
заросли полыни и конопля, и видел, как всё было. Ногайцы
подрались незаметно под утро, выпустили десяток зажжённых
стрел, завизжали, замахали саблями и пиками и ринулись на
господский двор. Хозяин, шляхтич — русский дворянин —
переселенец из Литвы, отстреливался из пищали, потом
высочил на крыльцо с двумя пистолетами, застрелил двух
ногайцев и тут же был насквозь пронзён пикой. Подбежали трое
мужиков с копыями, но их расстреляли из дуков. После этого
налётчики выволокли из дома жену шляхтича с дочерью,
связали их, затем сложили, что было ценного в доме, в узлы,
набили мешки металлической посудой, кувшинами, тазами,
хотели взять зеркало, но разбили. Согнали в один табун
лошадей, коров, овец и погнали в степь.

В мужицкие избы ноги не заходили, знали, что там
поживиться нечем. Подожили их одну за другой и, наскоро
перекусив два обжаренным на огне мясом, покатали в степь,
как это всегда делала орда. Но это была уже не орда, а шайка
налётчиков, около полусотни всадников. Им бы жить мирно,
пастись скот на своих бескрайних пастбищах, но нет, вдруг
просыпался в них зуд набега, желание пролить чужую кровь,
полонить кого-нибудь, продать в рабство. Грабёж пахотного
населения был смыслом жизни степняков. Так жили их предки,
так хотели жить они сами, не догадываясь, что их время уже
прошло, а они — обыкновенная, сбившаяся в стаю, шайка
молодых шакалов, которые ещё не почувствовали на себе
тяжесть казацкой руки и её разящего удара.

40

— Кровь! — сплонул мокроу, закричал он. — Погнали,
Сёмка, дальше! Хоть один да наш!

Лосиное стадо тоже остановилось и столпилось вокруг быка.
Тот, выгнув шею, настороженно глядел в сторону ловцов.
Заметив, что они побежали, лось кинулся от них в пойму к
далёкому лесу, который проглядывался на окраёме едва
различимой мутной полосой. Стадо двинулось за ним следом.

Снег в пойме был много глубже, чем на речном льду и часто
доходил даже рослому быку под самое брюхо. Наст здесь был
твёрд и остро стёклин, и Сёмка слышал, как лоси, пробивая себе
дорогу, с громким треском ломают копытами, ногами, а то и
грудью жёсткую наледь. Теперь ловцы и стадо шли почти
вровень, расстояние между ними не сокращалось, но и не
возрастало.

Сёмка прибавил ходу, во рту стало сухо, в груди защемило,
но он знал, что это скоро пройдёт, в прежние разы на гоньбе с
ним такое бывало. Агапов отстал, он был силён, но
выносливости ему не хватало, однако сдаваться не мыслил и,
обливаясь потом, бежал дальше.

Лоси почувствовали, что Сёмка их настигает, усилили бег, но
ненадолго, человек медленно, но упрямо их настигал. Они
слышали скрип его лыж, потрескивание наста под его
размашистыми шагами, иногда до них доходил чужой едкий
запах преследователя.

Когда стадо и Сёмку стала разделять сотня сажень, лосей
охватило ошутимое беспокойство, они стали чаще оглядываться
назад, сталкиваясь друг с другом, спотыкаться. Бык оторвался
от стада и шёл далеко впереди. Сёмка ждал этого часа и увидел:
стадо распалось, лоси бросились враспынную. Он подбежал к
этому месту и начал обходить следы по круту, отыскивая
кровяные пятна. Скоро они нашлись, и Сёмка побежал по ним,
чувствуя, что начинает ликовать от скорой и неизбежной удачи.
«Долго она не выдохнет, — подумал Сёмка. — Ещё версты две —
три и падёт... Хорошо, что не бык попался, а корова».

Через малое время он понял, что заблуждался — несмотря на
рану, корова была ещё сильна и побегуча. Она крушила один
ледяной сугроб за другим и шла, не давая себя настичь.

53

Остальные лоси разбежались в разные стороны, их никто не
преследовал. Агапов неторопливо бежал следом за Сёмкой.

Солнце поднималось всё выше, и наст слабел. Теперь ловец,
хоть и не часто, стал проваливаться то одной, то другой лыжей,
но это было не опасно, снег подо льдом был плотным и человека
держал прочно. Корове приходилось хуже, она при каждом шаге
проваливалась гораздо глубже и, высвобождая ноги, шаркала
их об острый лёд. Вдруг она остановилась. Сёмка бросился к
ней со всех ног, но лосиха опять рванула вперёд, ушла от
преследователя сажень на сто и снова остановилась.

Этот рваный бег ловца и зверя продолжался долго.
Далёкий от реки лес стал уже ошутимо близок. Сёмка,
смахнув рукой с лица струи пота, вдруг увидел вполне

54

Центр развития истории и культуры региона

АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области»

Союз краеведов Ульяновской области

Сел утром Иван на корабль и через два месяца был в Сибирске, завеза по пути старуку мешок фиников-ягод. Выслушали игумены Ивана, затопали ногами, забрызгали слюной и приказали отцу-эковому бить батогами Ивана на конюшине. Выдали Ивану сто батов и бросили в горячий коровий навоз, чтобы отлежался. Там нашла его телятница Матрёна и уволокла к себе в избёнку. Омыла его настоем чистотела и спрашивает:

— Где же ты, Ванюша, пил-гулял? Меня, болезную, забыл, а я глазюльки вышалакала, тебя поджидаячи.

— Не плачь, Матрёна. Разверни-ка мой кушак и достань подарок с Пешаного моря.

Развернула Матрёна кушак, достала плат, накинула на плечи, и в избёнке стало светлым-светло.

Через несколько дён ушли они убёгом на Терек, к вольным казакам. На оставшихся корабельники купил Иван коня и всю казакскую справу, построил камышовую хатку и стал казаковать. А Матрёна, что ни год, то казаков да казачек ему рожала. Так и живёт он на Терек до сих пор, пьёт чихирь, казакам об Острове Счастья в Пешаном море рассказывает.

Русские крестьяне, по А. Олларико

145

Оказ про колдовскую силу Степана Разина и его решение идти на Москву

Часто бывает так, что на небе ни облачка, но в самом воздухе уже чувствуется приближение грозовой бури. Так и Степана Тимофеевича Разина ещё и близко не было, но его мятежное имя уже витало над Волгой, настраивая душой всех людей, и начальных, и подневольных, на тревожный лад. Все ждали, что вот-вот на волжской окраине случится доселе небывалое и ужасное, что бывало во время Смуты, ведь оставались ещё живы старики, помнившие времена державного лихолетья. Но были ещё более близкие примеры — Солёной и Медный бунты, когда народное возмущение обнажилось в кровавом неистовстве потчующего своё право на насилье простого люда. От Степана Разина ждали гораздо большего, и гулящие люди и инородцы Поволжья с нетерпением выглаживали, когда явится атаман, чтобы пополнить в несметном числе ряды его бунташного войска.

И эти народные чаянья были не напрасны. Очень скоро многим в России стало известно о казачьем атамане, который занял Яицкий городок, затем счастливо пограбил персидское побережье Каспия, явился в Астрахань с несметной добычей, получил от царя милостивую грамоту и до весны удалился в Паншин городок на Дону.

Подвиги Разина воспринимались как деяния сказочного богатыря, превращались в былины, которыми заслушивался народ, всегда мечтавший о появлении мстителя за свои унижения и муки от сильных и богатых людей.

Над Волгой уже сила звёздами летняя ночь, но не все на струте спали. И приказчик Максим, направленный по торговому делу в Астрахань, сквозь щели в досках, на которых он лежал, слышал разговоры стрельцов полковника Лопатина, что находились на нижней палубе струта

— Знать, правду говорят, что атамана ни пули, ни стрелы не берут? — спросил молодой голос.

146

Оказ про осаду Сибирска Степаном Разиным

-I-

Русь была некрепка,
И казак Стенька Разин
Поманил гольгыбу
На удачу и риск.
И свирепого бунта пошлн метастазм
На Москву,
Но замулись о верный Сибирск.

Город был возведён
Как форпост на востоке,
От набегов разбойничьих
Стража и крепь.
Он стоял на обрыве,
Крутом и высоком,
И сторожоко глядел
На немпрную степь.

Стенька Разин поджёл
Русь святую низовой.
Пал Царинья,
Саратов, Самара — вослед.
И дохнуло пожаром и запахом крови
На Сибирск,
И крутым приближением бед.

— Вор у стен, —
Доносил государю
Князь Барятинский, —
Выжжен посад,
Сдан стрельцами острог,
Но несём эту кару,

183

Уповаю на русского Бога
И на строй иноземный солдат.

Но Господь не помог.
И бежал по Казанской дороге
Князь, и с ним недобитая рать.
На казачком кругу,
Заседавшем в остроге,
Решено было —
крепость Сибирскую брать.

А пока
Распустил Стенька Разин загоны
По округе,
Чтоб гнезда дворянские жгли,
И казачьи повсюду вводили законы,
И рабов обрашали
В свободных хозяев земли.

И стекались к Сибирску
Несметные толпы.
И кшпели, как пыльная брага,
От хмеля и зла.
Казачи, бурлаки, бобыли и холопы...
Жажда мести хржавой и воли
Их на приступ вела.

-II-

Целый месяц Сибирск
В круговой был осаде.
Но не дрогнул державный
Двуглавый орёл.
Под Казанью Барятинский крепкие рати
Сколотил
И на войско мужичье повёл.
И октябрьским утром

184